

О Михаиле Шпаковском

Начну с рассказа. Работая в древлехранилищах со средневековыми рукописями, однажды в Пашковом доме (бывшая Румянцевская библиотека) я обратил внимание на молодого человека, на столе которого скучилось много древних книг. Это меня приятно удивило – молодежь редко оказывается в фондах древнерусского рукописного наследия. Какое-то время спустя, ко мне обратился Михаил Александрович Маслин и попросил, чтобы я посмотрел статью по древнерусской тематике, написанную студентом философского факультета МГУ. Статья мне понравилась глубоким знанием первоисточников, смелой постановкой проблемы и разносторонней ее проработкой, убедительной аргументацией авторской точки зрения, четкими и хорошо обоснованными выводами. В то время мы готовили к выпуску сборник и я предложил редколлегии работу студента. Она получила общее одобрение и вскоре вышла в свет. При знакомстве с автором оказалось, что это был тот юноша, которого я заметил ранее в библиотеке. С тех пор мы часто сидели рядом, знакомили друг друга с обнаруженными текстами философского содержания и необычным составом рукописных сборников. Обсуждали сюжеты, относящиеся к истории религиозно-философской мысли Древней Руси. Приходилось совместно разбирать трудночитаемые места. Общение было тесным, интересным, плодотворным.

Приблизительно через год после нашего знакомства Михаил выходил на защиту диплома бакалавра. Тема: «Символический универсум Ермолая-Еразма». Персонаж был выбран не простой. Историки философии обходили фигуру этого мыслителя своим вниманием. Наследие Ермолая-Еразма публиковалось не системно, а то, что в разное время печаталось порой было очень низкого качества. Конечно возникла проблема сверки с оригиналами. В разговорах Михаил высказал намерение собрать рассеянные по разным книгам фрагменты и через несколько лет издать полное собрание сочинений Ермолая-Еразма как памятник религиозно-философской мысли. Начало этой работы нашло отражение в дипломе, куда в качестве приложения был помещен один из текстов Ермолая-Еразма. Содержательно работа представляла собой выявление философской подоплеки богословских построений. Михаилу удалось охватить творчество мыслителя во всей полноте. Религиозные тексты оценивались по четким философским критериям, с учетом теологической и доктринальной их специфики. Рассматривая фигуру Ермолая-Еразма в контексте эпохи, Михаил пришел к выводу, что этот мыслитель не примыкал ни к одному из течений религиозно-философской мысли XVI столетия. Скрупулезно реконструировав воззрения Ермолая-Еразма, Михаил по сути вернул его из забвения. Прежде эта фигура оказывалась в поле зрения только историков и филологов. В заключении на диплом я написал, что текст Шпаковского является не просто качественной квалификационной работой, а имеет все признаки самостоятельного научного исследования.

Тематика, которая входит в круг интересов Михаила, обширна: тут и влияние христианизированного неоплатонизма на Древнюю Русь, и философский компонент святоотеческого наследия в рецепции его отечественной книжностью, а также средневековые ереси и порожденные ими полемики. Интересует его и невербальное выражение идей и с этой целью он обращается к анализу иконографии. Бесспорно, объектом страстного и всеохватывающего интереса Шпаковского является старообрядчество. Старообрядческие сборники не исчезают с его стола в древлехранилище. Как следствие этого пристрастия много внимания уделено воззрениям вождя старообрядцев - Аввакума. Михаил на конкретных сравнительно-текстовых материалах показал, что своеобразие религиозного мировоззрения Аввакума в значительной степени предопределялось идеями Дионисия-Ареопагита, труды которого лидер старой веры хорошо знал, часто цитировал и вдохновлялся их идейными установками. Своими изысканиями Михаил разрушил существующее в историографии мнение об Аввакуме, как далеком от философской мудрости и обширных книжных познаний ретрограде.

Не могу не отметить очень проницательный взгляд Михаила Шпаковского на источники. Эта необыкновенная способность разглядеть необычное и важное за поблекшими и залитыми воском строками книг вознаграждается подлинными уникальными открытиями даже в тех рукописях, которые неоднократно были просеяны корифеями книговедения и маститыми известными учеными-русистами. Так в одной из книг, которая вышла из-под пера известного представителя древнерусских еретиков-жидовствующих, Михаил обнаружил изображение лабиринта и расшифровал тайнопись, связанную с этим рисунком. На фоне крайне скудных данных об этом движении находка имеет поистине мировое значение. Изображение позволяет с полным основанием говорить об интересе древнерусских еретиков-жидовствующих к алхимии. Этот экслибрис к книге поразительным образом совпадает с замаскированными алхимическими мотивами из псевдо-аристотелевского трактата «Тайная Тайных», который переведен в кругу еретиков.

Логичным представляется углубление Михаила в содержание полемических обличений еретиков. Не удовлетворенный качеством существующих публикаций, он взялся за новый перевод «Послания Геннадия». К осмыслению эпохального явления, таким образом, он подходит разносторонне, не ограничиваясь отдельными яркими частностями его.

Скажу несколько слов и о манере «пребывания в профессии». Михаил не ограничивается просеиванием фондов только собраний столичных книжных архивов. Недавно, например, среди отцифрованных книг Ватиканской библиотеки он обнаружил древнерусские источники, которые оказались вне внимания даже узких специалистов. Интерес к новинкам научной литературы проявляется с опережающей оперативностью. Очередной том «Трудов древнерусской литературы» еще не вышел, а он заранее узнает о его

содержании и тут же ориентирует на самые интересные темы. Не пропускает новинки из смежных областей знания, имеющие отношение к древнерусской мысли. Так из обширной филологической библиографии было выявлено исследование тракта Фичино в древнерусском переводе. Факт, не отмеченный не в одной историко-философской работе.

Крайне мало сейчас вообще людей, кто целенаправленно посвящает себя изучению древнерусской религиозной философии. Специальной подготовки для такой работы в вузах не ведется: нужно знать древнеславянский, уметь работать с рукописными оригиналами, иметь широкий кругозор, ориентируясь в достижении смежных наук (филология, текстология и пр.), да еще хорошую подготовку по специальности. После М. Н. Громова студенты МГУ на философском факультете не специализировались по древнерусскому периоду. Слишком не модная нынче тема. Тем более отрадно видеть на этом «обезлюдившем поле» молодого, энергичного, разносторонне подкованного и зараженного любовью к эпохе Мишу Шпаковского.

В добрый путь!

В.В. Мильков,
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
Института философии РАН